

М.

Великій Инквизиторъ

ПОЭМА

изъ Ф. М. Достоевскаго.

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.

Тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковск. учил. глухонѣм. Донская ул., д. № 73.
1903.

М.

Великій Инквизиторъ

ПОЭМА

изъ Ф. М. Достоевскаго.

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.

Тип. Моск. Гор. Ариольдо-Третьяковск. учил. глухонѣм. Донская ул., д. № 73.
1903.

Дозволено цензурою. Москва. Мая 31 дня 1903 года.

Великій Инквизиторъ.

Великій Инквизиторъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Спаситель вселенной
Свершилъ искупленье земли
И Крестъ возсіалъ незабвенный, —
Пятнадцать вѣковъ протекли.
Пророки давно возвѣстили,
Что снова съ великою славой
Въ тотъ міръ, гдѣ о Немъ позабыли,
Господь-Утѣшитель придетъ
Съ небесной, незримой державой.
И міръ уповаетъ и ждетъ...
И вѣрные молятъ съ тоской:
„Сойди къ намъ! Явись въ утѣшенье,
Устали мы жить, истомились душой
За долгіе годы сомнѣнья.“

* * *

И вотъ возжелалъ Онъ опять низойти
И видѣть хотя на мгновенье
Уставшихъ въ томительно долгомъ пути,
Измученныхъ, жалкихъ, больныхъ,
Но сильныхъ младенческой вѣрой своей,
Но сердцу Его дорогихъ,
Безпомощныхъ, грѣшныхъ, но милыхъ дѣтей.

И въ страшное время гоненій,
И мукъ инквизиціи, плахъ и костровъ,
Въ странѣ, гдѣ царило мученье,
Въ Севильи Испанской явился Онъ вновь...
То не былъ обѣщанный мигъ долгожданный,
Въ словахъ возвѣщенный пророка, —
Со славой небесною мигъ осіянный,
Блистающій молнией на Западъ съ Востока,
О, нѣтъ, но исполненъ любви, состраданья,
Въ безмѣрно святомъ милосерды Своемъ,
Во образѣ прежнемъ, не въ блескѣ сіянья,
Проходитъ Онъ тамъ, гдѣ страдаютъ о Немъ,
Гдѣ въ автодафе, въ назиданье толпамъ,
На радость владыки и людямъ сановнымъ
Была сожжена кардиналомъ верховнымъ
Еретиковъ сотня въ присутствіи дамъ
За дерзость презрѣнія папскаго слова,
Во имя закона, во имя Христова...

* * *

И вотъ незамѣтною тихой мечтой
На жаркія стѣгны испанскаго града
Нисходитъ Онъ, Гость неземной.
И волны волосъ, и простого наряда
Смиренья исполненный видъ,
И ликъ, озаренный улыбкой небесной,
Съ печатью таинственной, міру безвѣстной,
Въ Немъ все о любви говоритъ,
Въ Немъ все обличаетъ пришельца святого
Изъ міра высокаго, міра иного,
Гдѣ свѣтлая радость царить...

* * *

Онъ только проходитъ, не молвивъ ни слова,
Съ небесною, дивной улыбкой Своей,
Но что-то въ Немъ есть такъ плѣнительно-ново,
И свѣтитъ такъ кротко и вмѣстѣ такъ властно
Нездѣшная сила изъ свѣтлыхъ очей,
Что поняли разомъ, чей взглядъ былъ тотъ ясный,
И, точно прозрѣньемъ объятый, народъ
Небеснаго гостя вездѣ узнаеть...
Въ восторгѣ всѣ шепчуть вокругъ: „это Онъ!“
Все громче изъ устъ переходитъ въ уста,
И, радостной вѣстью народъ озаренъ,
Тѣшится и ноги цѣлуетъ Христа,
Слѣды поливая слезами.
„Осанна!“ кругомъ воспѣваютъ Ему,
И дѣти поютъ и цвѣтами
Предъ Нимъ Его путь усыпаютъ,
И силой невѣдомой рвутся къ Нему.
И руки Онъ къ нимъ простираетъ,
Съ любовью крестомъ осѣняя...
Горить въ Его сердцѣ, какъ пламень, любовь,
Лучи неземные вокругъ изливая,
Отвѣтной любовью сердца сотрясая.
И сила исходитъ цѣлящая вновь,
Лишь только одежды Его прикоснутся,
И вновь къ нему немощныхъ вопли несутся.
И вотъ изъ толпы восклицаетъ слѣпой:
„Да узрю Тебя, исцѣли!“ И мгновенно
Прозрѣвъ, и простерся съ мольбой,
И слезы у ногъ Его льетъ умиленно...

* * *

На паперть собора Онъ тихо идетъ,
Толпа съ Нимъ народа, какъ море, течетъ.

И въ эту минуту несутъ на рукахъ
 Единственной дочери гражданъ богатыхъ
 Роскошно разубранный гробикъ въ цвѣтахъ.
 И видя отчаяньемъ страшнымъ объятыхъ,
 Въ толпѣ говорятъ: „Онъ дитя воскресить!“
 (А патеръ соборный, нахмурясь, глядитъ).
 Но матери сердце то слово пронзило,
 И съ воплемъ упавъ, она жарко молила:
 „О, если Ты, Господи, снова пришелъ,
 То сжаляся, верни мнѣ дитя!“ И предъ Нимъ
 Неслышно на паперти гробъ опускаютъ,
 И снова Онъ очи на небо возвелъ,
 И снова глядитъ, состраданьемъ томимъ,
 И тихо уста Его вновь повторяютъ:
 „Дѣвица, возстань!“ И усопшая вдругъ,
 Какъ будто проснувшись отъ сна,
 И глазки раскрывъ, удивленья полна,
 Садится и смотритъ съ улыбкой вокругъ,
 И бѣлыя розы къ лицу прижимаетъ...
 Въ толпѣ умиленной кричатъ и рыдаютъ...

* * *

Все дальше бѣгутъ восхищенія крики,
 Пылаютъ сердца, вдохновляются взоры...
 Но въ эту минуту на площадь собора
 Идетъ кардиналъ, инквизиторъ великій.
 Годами то древнѣй былъ старецъ, высокій,
 Со строгимъ лицомъ, сухощавый,
 Осанкой прямой, величавой.
 Глаза провалились глубоко,
 Но силой могучею свѣтитъ взглядъ,
 И волей горитъ непреклонной...

На немъ не красуется пышный нарядъ,
 Въ которомъ вчера предъ собраньемъ
 Онъ зрѣлъ на костеръ, имъ зажженный,
 Нѣтъ, въ самомъ простомъ одѣяннѣ,
 Суровомъ и строгомъ, какъ онъ,
 Въ монашеской рясѣ старикъ облаченъ,
 Какъ страшный невѣдомый геній...
 За нимъ въ разстояннѣ идутъ, словно тѣни,
 Рабы и помощники, мрачной чредой,
 И стражи священной отрядъ.

* * *

Онъ издали смотритъ, слѣдитъ за толпой,
 Онъ видитъ, какъ новымъ восторгомъ объятъ,
 Народъ окружаетъ, толпится къ Нему,
 Какъ гробъ передъ Нимъ опускаютъ,
 Какъ въ гробѣ дѣвица, послушна Ему,
 По слову Его воскресаетъ...
 Онъ видитъ, какъ радость сіяетъ о Немъ,
 Пылаютъ сердца молодые,
 И хмуритъ онъ брови сѣдыя,
 И очи пылаютъ огнемъ...
 Перстомъ указываетъ онъ властно
 И стражамъ велитъ Его взять.
 И старцу покорный всечасно,
 Какъ въ битвѣ послушная рать,
 Народъ, раздвигаясь мгновенно,
 Трепещетъ, какъ агнецъ смиренный,
 И стражамъ дорогу даетъ.
 Среди гробового молчанья
 Торжественно стража проходитъ
 И Плѣнника молча беретъ,

И молча въ темницу уводитъ...
 И рабского страха созданье —
 И власти полна обаянья,—
 Толпа передъ старцемъ къ землѣ припадаетъ,
 А онъ величаво и тихо идетъ,
 И молча крестомъ осѣняетъ.

* * *

Чудеснаго Плѣнника стража ведетъ
 И въ тѣсные своды тюрьмы запираетъ...
 А вечеръ темнѣетъ... Какъ греза желанная,
 Горячая, темная ночь настаетъ,
 Севильская ночь, бездыханная...
 Ни звука... Безмолвствуетъ садъ,
 И мирты, и лавры лѣютъ ароматъ,
 И гдѣ то запѣли, далѣко-далѣко...
 И вдругъ, среди ночи глубокой,
 Со звономъ замокъ отпираютъ,
 И самъ инквизиторъ въ дверяхъ,
 Высоко свѣтильникъ въ рукѣ поднимая,
 Печальные своды тюрьмы озаряетъ.
 И скрипнувъ на ржавыхъ петляхъ,
 Зловѣщую тишь нарушая,
 За нимъ затворяется дверь. Онъ стоитъ,
 Минуту иль двѣ ожидая,
 Въ лицо Его молча глядитъ,
 И тихо подходитъ. Очами сверкая,
 Свѣтильникъ поставивъ на столъ, вопрошаетъ:
 „Вѣдь Ты это?.. Ты?..“ Но ни слова въ отвѣтъ.
 И быстро онъ самъ продолжаетъ:
 „Ты правъ, не отвѣтствуй, о нѣтъ!
 Я знаю, что могъ бы еще Ты сказать...

Завѣтъ намъ повѣдалъ бы новый?..
 Но нѣтъ, Ты не можешь, не смѣешь придать
 Къ тому, что сказалъ, ни полслова!..
 Зачѣмъ же пришелъ намъ мѣшать?..
 И Ты-ль это, образъ ли только Его,
 Я знать не хочу. Я хочу одного —
 И все это, слышишь ли, завтра же будетъ:—
 Народъ, ослѣпленный, Тебя позабудетъ,
 Тотъ самый народъ, что сегодня Тебѣ
 Въ восторгѣ лобзалъ Твои ноги,
 Покорный, трусливый и чуждый борьбѣ,
 Заслыша лишь голосъ мой строгій,
 Горячіе уголья станетъ бросать
 Къ костру Твоему; это знаешь ли Ты?..“

* * *

„О, да, Ты все зналъ, развѣ могъ Ты не знать?“
 Прибавилъ онъ вдумчиво, какъ бы въ прозрѣньи,
 И ликъ созерцалъ неземной красоты,
 Какъ будто въ душѣ онъ хотѣлъ начертать,
 Задумчивыхъ глазъ не сводя на мгновенье,
 Небеснаго гостя святыя черты.
 И вновь повторяетъ: „Имѣешь ли право
 Хотя бы одну возвѣститъ
 Изъ тайнъ того міра? Какъ злою отравой
 Ты хочешь людей отравить,
 И новыя муки оставить народу?“...
 Съ усмѣшкой въ раздумьѣ старикъ вопрошаетъ,
 И строго взглянувъ на Него,
 Не слыша отвѣта, онъ вновь продолжаетъ:
 „Какъ дорого стоило кончить его,
 Но кончили мы это страшное дѣло

Во имя Твое, навсегда и всецѣло...
И мучились мы съ этой жалкой свободой
Пятнадцать ужасныхъ и долгихъ вѣковъ...
Мы поняли лучше Тебя ихъ природу,
Окованныхъ тяжестью ржавыхъ цѣпей,
Рабовъ своей плоти и жалкихъ страстей!

* * *

Но Ты удостоить не хочешь и словъ,
И кротко глядишь на меня безъ упрека...
Быть можетъ не вѣришь безсилью рабовъ?
О, вѣрятъ они, что свободы широкой
Вездѣ передъ ними открыты пути...
Но жалкимъ рабамъ отъ цѣпей не уйти,
И сами они, чтобъ не вѣдать печали,
Въ невѣдѣнны рабскомъ свободу связали
И къ нашимъ покорно сложили ногамъ,
Въ замѣну за счастье — толпы идеалъ...
А Ты о такой ли свободѣ мечталъ,
Въ ту пору, когда умиленно толпамъ
Уста Твои правду вѣщали?..
И только лишь стало возможнымъ теперь
Помыслить о счастьѣ народа,
Какъ въ тайны суда отворили мы дверь...
Иль думаешь Ты, что иная свобода
Подходить тому, кто былъ созданъ для тьмы
Бунтовъ, грабежей и насилій?
Пятнадцать вѣковъ изучали ихъ мы.
Подумай, въ ихъ жалкомъ безсильи
Возможна ли правда у нихъ?..

* * *

Ты все это зналъ, и слыхалъ отъ другихъ,
И тѣ, что Тебѣ говорили,
Владѣли сокровищемъ истинъ самихъ
И счастье міру сулили.
Единственный путь Ты отвергнулъ тогда,
Въ которомъ — Ты Самъ это зналъ —
Народъ былъ бы счастливъ вездѣ и всегда...
Ты правъ былъ, что намъ передалъ
Начатое дѣло, и словомъ Своимъ
Ты Самъ утвердилъ и оставилъ намъ право
И связывать все на землѣ, что хотимъ,
И все разрѣшать. И теперь, когда слава
Ужъ многихъ вѣковъ намъ всю власть отдала,
Теперь ужъ ее Ты не можешь отнять,
На нашихъ страданьяхъ та власть возрасла...
Зачѣмъ же теперь Ты пришелъ намъ мѣшать?..

* * *

Онъ смолкъ на мгновенье. Въ таинственной дали
Иныя видѣнья предъ нимъ возставали...
И тихо, въ глубокую даль погруженный,
Онъ вновь говоритъ, какъ бы думая вслухъ:
„Но страшный и умный властительный духъ,
Могучій, и волей иной одаренный,
Въ пустынь съ Тобой говорилъ.
И было ли истиннѣй что и мудрѣй
Того, что Тебѣ онъ открылъ?..
Сказалъ ли кто правду яснѣй?
И то, что отвергъ Ты, какъ зла искушенье,
Онъ въ трехъ лишь вопросахъ, вопросахъ
прозрѣнья,
Великихъ и истинныхъ, намъ возвѣститъ!..

И если когда нибудь чудо свершилось,
Громовое чудо, такъ это въ тотъ день...
И если представить, что міръ позабылъ
Про эти вопросы, что въ книгахъ сокрылись
Слова громовыя, пропали, какъ тѣнь,
Что надо придумать ихъ вновь,
И всѣхъ для того мудрецовъ,
Поэтовъ, правителей міра созвать,—
Возможно-ль, чтобъ вся та премудрость земли,
Собравшись вкупѣ, могла бы сказать
Сильнѣе того, что въ забытой дали
Тотъ геній сказалъ?.. Какъ Ты могъ не принять
То счастье міра, что онъ указалъ,
То счастье, что Ты искушеньемъ назвалъ?..
И только по чуду вопросовъ такихъ
Понятно, что не былъ то умъ человѣка,
Текущій и слабый, какъ жизненный мигъ,
Но сильный, могучій, но властный отъ вѣка.
Исторія вся заключается въ нихъ,
Лишь въ трехъ тѣхъ вопросахъ чудесныхъ
Предсказана будущность вся міровая,
Далѣко невѣдомый свѣтъ проливая
Въ судьбахъ человѣчества, міру безвѣстныхъ.
Прибавить къ тому, иль убавить,
Что сказано было, нельзя ни полслова,
Какъ солнца нельзя перѣставить,
Какъ прошлое время не двинется снова.

* * *

Рѣши-жъ теперь Самъ, кто былъ правъ?
Вѣдь тотъ, кто Тебя вопрошалъ,
Всѣ тайны Тебѣ указавъ,—

Лишь истину міру вѣщаль!
Но вспомни вопросы, ихъ смыслъ былъ такой:
„Ты къ людямъ съ пустыми руками пришелъ?
Съ какимъ то обѣтомъ свободы иной,
Невѣдомой имъ, неземной?..
Народъ, что такъ долго въ невѣдѣнны шелъ,
Въ безчинствѣ своемъ прирожденномъ
Лишь только страшится свободы Твоей.
Зачѣмъ Ты смущаешь безсильныхъ дѣтей?
Отъ вѣка безводемъ тупымъ угнетеннымъ
Ты новую волю сулилъ?..
Но имъ эта воля и эта свобода
Страшнѣе недуга, страшнѣе могилъ!
О, нѣтъ, Ты не знаешь, въ чемъ горе народа...
А видишь ли камни въ пустынѣ нагой?
Ты въ хлѣбы ихъ всѣ обрати и тогда,
Какъ стадо послушное, вслѣдъ за Тобой
Они побѣгутъ, благодарны всегда,
Хоть въ страхѣ о томъ, что Ты руку отымешь
И вдругъ прекратятся тѣ хлѣбы Твои...

* * *

Но Ты только грезы лепѣялъ Свой...
Мечтая, что ихъ до Себя Ты поднимешь,
Ты все то отвергъ. Ты сказалъ:
„Не хлѣбомъ единымъ живетъ человѣкъ“.
А знаешь, что въ страшный невѣрія вѣкъ,
Когда воцарится земной идеалъ,
И въ мірѣ изгонять, что было святого,—
Во имя лишь этого хлѣба земного
Сразится съ Тобою властительный геній,
И всѣ, какъ одинъ, безъ борьбы, безъ сомнѣній

Пойдутъ вслѣдъ за нимъ, восклицая:
 „Кто звѣрю подобенъ сему?
 Онъ далъ намъ огонь съ небеси!“ И къ нему,
 На хлѣбъ лишь земной уповая,
 Весь міръ перейдетъ... И вѣка протекутъ,
 И скажетъ премудрость земная,
 Что нѣтъ на землѣ преступленій,
 Что голодъ причина всѣхъ смуть...
 И снова Тебя осуждая,
 Возстанутъ былыя гоненія,
 На мѣстѣ, гдѣ храмъ Твой стоялъ,
 Гдѣ Ты о любви имъ вѣщалъ,
 Опять Вавилонскую башню воздвигнутъ.
 Хоть также они не достроятъ ее,
 И снова не сбудутся ихъ ожиданья,
 Хоть цѣли опять не достигнутъ,
 Но все же,—одно лишь согласье Твое—
 И могъ бы Ты имъ сократить ихъ страданья
 На тысячу страшныхъ, мучительныхъ лѣтъ!..
 Вѣдь снова придутъ къ намъ, тоскою томимы,
 И мы имъ дадимъ въ ихъ страданьи отвѣтъ.
 Мы будемъ и мучимы вновь, и гонимы,
 И насъ въ катакомбахъ опять,
 Сокрывшихся, будутъ искать...
 И мы ихъ накормимъ и башню за нихъ
 Достроимъ. Хоть снова придется намъ лгать,
 Мы сдѣлаемъ все, чтобы голодъ унять,
 Чтобъ снова народъ, покоренный, затихъ.
 И станутъ молить, настрадавшись душой.
 Понявъ, что безъ насъ имъ не сладить съ собой:
 „О, лучше рабами вы сдѣлайте насъ,
 И бейте, но хлѣбомъ кормите!

Какъ дѣти, во всемъ мы послушаемъ васъ,
 Лишь хлѣба всегда, а свободу—возьмите“!..
 Поймутъ, наконецъ, какъ устанутъ страдать,
 Что этой свободы не нужно имъ знать,
 Что здѣсь и свободы, и хлѣба земного
 Немыслимо вмѣстѣ искать.
 Поймутъ, что въ пути затерялися ложномъ,
 Устали и сбились; что имъ никогда
 Безсильнымъ, порочнымъ, ничтожнымъ,
 Бунтующимъ всюду, всегда,
 Свободы такой не познать...
 Ты хлѣбъ обѣщалъ имъ небесный?
 Но что же онъ можетъ имъ дать,
 Порочной натурѣ безвѣстный?
 Не могутъ они этотъ хлѣбъ оцѣнить,
 Не могутъ въ безсильи безъ хлѣба земного,
 Какъ Ты, высокъ, и Тобой только жить!..
 И если съ Тобою во имя святого
 Десятки лишь тысячъ пойдутъ,
 Что станетъ съ слабыми, что не поймутъ
 Завѣтовъ Твоихъ? Съ миллионами тѣхъ,
 Которые хлѣбъ свой земной,
 Земныхъ мимолетныхъ утѣхъ,
 Не могутъ забыть своей слабой душой,
 И хлѣбъ Твой небесный не могутъ принять?..
 Ужели не жаль ихъ Тебѣ?..
 За то, что они не могли устоять
 И пали въ тяжелой борьбѣ,
 Отвергнувъ Ты ихъ, и лишь только немногихъ,
 Великихъ и сильныхъ, избралъ Ты Себѣ?..
 Но тѣхъ, что бояся путей Твоихъ строгихъ,
 И все-жъ Тебя любятъ душою,—

Такъ много, какъ въ морѣ песку!..
 Но мы ихъ не бросимъ. Возьмемъ ихъ тоску,
 Вездѣ поведемъ за собою,
 И стануть они удивляться на насъ,
 И стануть богами считать,
 За то, что рѣшились мы взять
 Свободу, которой они ужъ не разъ
 Страшились, какъ злого недуга..
 Ихъ волю тогда мы чертой оградимъ,
 Не пустимъ изъ тѣснаго круга,
 И снова обманемъ и скажемъ мы имъ,
 Что Ты намъ велишь, что во имя Твое
 Господство надъ ними мы взяли..
 И скроемъ отъ нихъ мы страданье свое,
 Страданье о томъ, что мы снова солгали..
 Тебя же не примемъ не только тогда,
 Но впредь, никогда, никогда!..

* * *

Вотъ первый вопросъ и что онъ означалъ,
 Какую онъ истину міру вѣщалъ!..
 И это отвергъ Ты во имя свободы,
 Далекой, невѣдомой, чуждой народу!..
 Но сколько глубокаго въ немъ заключалось!..
 Но тайна великая міра сего
 Въ томъ мудромъ вопросѣ скрывалась:
 Принявъ эти хлѣбы, отвѣтилъ бы Ты
 На муку всеобщую міра всего,—
 Тоску вѣковѣчной и страстной мечты,
 Тоску, какъ недугъ человечества, злую,—
 Но близкую сердцу, земную,—
 Предъ кѣмъ преклониться ему?..

И этой заботы мучительнѣй нѣтъ,
 Чтобъ разомъ и всѣмъ поклониться тому,
 Что вѣчно, бесспорно, какъ солнце, какъ свѣтъ,
 И разомъ могло бы и всѣхъ покорить..
 И этихъ безвольныхъ и жалкихъ созданий
 Хотѣлъ Ты цѣною ужасныхъ страданій
 Свободѣ святой научить?..
 Какъ могъ Ты не вѣдать, какъ могъ Ты не знать,
 Что имъ этой правды Твоей не понять,
 Что имъ не свобода нужна, а кумиръ,
 Такой, чтобъ ему поклонился весь міръ..
 И могъ бы Ты знамя такое поднять,
 Чтобъ всѣ преклонились тогда предъ Тобой.
 Но все Ты отвергнулъ за хлѣбъ неземной!..

* * *

Взгляни же, что сталося потомъ,
 Все ради свободы, которой весь вѣкъ
 Страшится больной человѣкъ,
 И только все ищетъ кругомъ,
 Кому бы скорѣй ее сбыть,
 Чтобъ думы свои заглушить..
 Ты хлѣбъ отклонилъ. Но Ты знаешь ли что
 Безспорнѣй, всеильнѣе этого хлѣба?
 Лишь съ нимъ Ты нашелъ бы все то,
 Что тщетно искалъ Ты для неба..
 Ты могъ овладѣть ихъ свободой земной,
 Ихъ совѣсть Ты могъ успокоить,
 И думы разсѣять, и дать имъ покой,
 И тихую пристань устроить..
 Ты все отклонилъ. Ты не взялъ ихъ свободу..
 Уже Ты не зналъ, состраданьемъ томимъ,

Ихъ, чуждую воли, природу?
 Не зная, что спокойствіе имъ
 И самая смерть — все дороже познанья
 Свободы, сковавшей ихъ счастье?...
 И такъ, среди бурь и ненастья
 Мучительной жизни страданья,
 Оставилъ Ты слабыхъ безвольныхъ людей...
 Отъ древнихъ законовъ желѣзныхъ цѣпей
 Они не могли такъ страдать,
 Какъ съ этой свободой, съ которой рѣшатъ
 Должны они были впередъ,
 Не зная, что зло, что добро принесетъ!..
 Да развѣ не зная Ты, не думалъ тогда,
 Что даже Твой образъ отвергнуть они,
 Какъ страшныхъ мученій потянутся дни,
 Въ которыхъ они не поймутъ никогда,
 Зачѣмъ испытанья Ты далъ имъ одни?
 Зачѣмъ эти муки, зачѣмъ это зло,
 Что бездну страданій съ собой принесло,
 Зачѣмъ въ этомъ морѣ заботъ и сомнѣній
 Оставилъ Ты ихъ въ безконечномъ смятеніи
 Съ тѣмъ бременемъ страшнымъ свободы,
 Ненужной ихъ жалкой, безсильной природѣ?!

* * *

И рушится царство Твое. И лишь Ты
 Виновенъ въ паденіи его...
 Съ Твоей неземной высоты
 Не могъ Ты понять одного,
 Что есть на землѣ лишь три силы,
 Которыя совѣсть могли бы плѣнить
 Бунтующихъ, слабыхъ людей до могилы,

И счастьемъ могли-бъ одарить,—
 То чудо, и тайна, и власть. Ты отвергъ
 И то, и другое, и третье... — для міра
 Три властныхъ могучихъ кумира.—
 Когда Тебя геній премудрый на верхъ
 Высокаго храма поставилъ,
 Сказалъ онъ Тебѣ: „Если хочешь узнать
 Кто Ты и Тебя кто прославилъ,
 То свергнися внизъ, чтобы всѣмъ доказать,
 Что Божій Ты сынъ. И тебя на рукахъ,
 На крыльяхъ своихъ понесутъ,
 О камни чтобъ Ты не разбился!“
 И вновь Ты отвергъ. О, конечно, не страхъ
 Тобой управлялъ. Ты и тутъ,
 Какъ Богъ, былъ прекрасенъ. Ты рабства стра-
 шился,

Хотѣлъ, чтобъ свободны, не ради чудесъ,
 А ради Тебя Самаго и небесъ
 Пошли за Тобою. Ты только не зналъ,
 Что чуда народъ больше Бога искалъ,
 Что еслибъ не стало чудесъ, то своихъ
 Народъ насоздалъ бы ихъ самъ,
 Знахарскихъ чудесъ, колдовскихъ,
 Воздавъ поклоненье, какъ новымъ богамъ.
 И Ты не сошелъ со креста, когда вокругъ,
 Дразня, надъ Тобой издѣвались:

„Сойди, и увѣруемъ разомъ и вдругъ“...
 Ты вновь не хотѣлъ, чтобъ они убоялись
 Могущества чуда, хотѣлъ Ты, какъ другъ,
 Свободной, безстрашной любви, не такой,
 Не рабскихъ восторговъ и вѣры слѣпой...

* * *

О людяхъ Ты слишкомъ судилъ высокѣ.
 Хоть дѣти бунтовъ и насилій —
 Невольники все же они.
 Ты думалъ, что волю понять имъ легко?..
 Ты думалъ ихъ, въ рабскомъ безсильи,
 Вознестъ до Себя и лишь муки одни
 Оставилъ Ты имъ на ихъ долю, —
 Ужаснѣй, страшнѣе неволи!..
 Но вотъ уже много вѣковъ протекло,
 Озрись, посмотри же на нихъ,
 Что лучшаго время съ собой принесло?..
 О, какъ далеко до Твоей высоты!..
 Клянусь, никогда имъ въ ничтожествѣ ихъ
 Того не исполнить, что требовалъ Ты!..
 О, еслибъ Ты ихъ высоко не вознесъ,
 Ты больше бы имъ милосердья принесъ
 И ноша была бы имъ легче тогда!
 Вѣдь такъ малосильны они и ничтожны!
 Что въ томъ, что бунтуютъ они противъ насъ?
 То дѣтскія игры. Устанутъ когда —
 Поймутъ, что забавы ихъ ложны,
 Бунтуя, слезами залиются не разъ,
 И только тогда все безумство поймутъ,
 Какъ храмы разрушать и кровью заливать...
 О, дорого будетъ имъ стоять конецъ!
 Тогда догадаются глупыя дѣти,
 Что сами себѣ подставляютъ лишь сѣти,
 Что силъ у нихъ мало, поймутъ наконецъ...

* * *

Итакъ, беспокойство, смятенье, несчастье —
 Удѣлъ человѣковъ! И послѣ того,

Какъ Ты претерпѣлъ за ихъ счастье,
 Какъ Ты за свободу ихъ такъ пострадалъ!..
 Но есть у пророка въ видѣньи его
 О тѣхъ, что печатію Бога
 Отмѣчены будутъ. Пророкъ намъ вѣщалъ,
 Что было ихъ всѣхъ такъ немного, —
 Что знали имъ счетъ. Но вѣдь въ жизненномъ пирѣ
 Они озаряли, какъ звѣзды въ эфирѣ,
 И были, какъ боги они, и страдали,
 И крестъ претерпѣли, гонимые въ мірѣ,
 Въ пещерахъ, въ пустынѣ живя, голодали..
 Ты съ гордостью можешь на нихъ указать,
 Свободы дѣтей, и ихъ жертвы чудесной
 Во имя Твое и свободы небесной..
 Но сильныхъ такихъ можно всѣхъ сосчитать,
 А тѣхъ, что какъ въ морѣ песокъ,
 Которымъ Твой крестъ недоступно высокъ,
 Возможно-ль ихъ слабыя души винить,
 За то, что имъ страшныхъ даровъ не вмѣстить!
 Да Ты неужель приходилъ только къ нимъ,
 Могучимъ, избраннымъ Своимъ?
 Возможно-ль?.. Но стало быть тутъ
 Скрывается тайна и будемъ мы вправѣ
 О тайнѣ учить. И хотя не поймутъ
 Ее никогда, но, покорны державѣ,
 Завѣщанной намъ, они слѣпо, какъ дѣти,
 Повѣрятъ. Мы такъ и рѣшили,
 Что тайна важнѣе, мы ихъ убѣдили,
 Что съ этой свободой, не нужной на свѣтѣ,
 Такъ много загублено силъ невозвратно...
 И подвигъ Твой, имъ не понятный,
 Исправили властью своей,

Исправили тѣмъ, что тотъ геній сказалъ,
И тайной, и чудомъ, что Ты отвергалъ...
И счастливы люди, что ихъ какъ дѣтей,
Какъ стадо послушное, вновь мы ведемъ,
Что страшнаго дара мы имъ не даемъ...

* * *

Скажи мнѣ, что правы мы были или нѣтъ?
Ужель человечества мы не любили,
Заставивъ его полюбить этотъ свѣтъ?
Мы тяжкую ношу его облегчили, —
Сознавши безсилье его, даже грѣхъ,
Но съ нашего вѣдома, — мы разрѣшили.
Мы слабыхъ людей не лишили утѣхъ,
Мы дали имъ все, чтобъ Тебя прославлять...
Зачѣмъ же теперь Ты пришелъ намъ мѣшать?..
И что на меня Ты такъ кротко глядишь,
Глазами въ глубокую даль проникая?
О, лучше сердись! Что Ты молча стоишь,
Любовью Своей озаряя?..
Любви я Твоей не хочу! Никогда!
Она мнѣ, какъ бремя, какъ кара, чужда.
И что мнѣ скрывать отъ Тебя?
Я развѣ не знаю, кто Ты?
Ты видишь съ Своей высоты,
Что стану Тебѣ говорить, не любя?
И можешь ли что Ты не знать?
Могу-ль отъ Тебя нашу тайну сокрыть,
Съ которой слѣпцовъ научили мы жить?
Быть можетъ я самъ ее долженъ сказать?
Такъ знай же, вотъ тайна, что такъ мы хранимъ:
Ужъ мы не съ Тобою... а съ *нимъ*...

* * *

Давно ужъ мы съ нимъ, не съ Тобой,
Тому уже восемь вѣковъ...
Одинъ изъ великихъ даровъ,
Что Ты, негодуя, отвергъ, какъ земной,
Мы взяли тогда отъ него, —
Важнѣйшій въ таинственной міра борьбѣ,
Послѣдній тотъ даръ, что сулилъ онъ Тебѣ
Въ величій властномъ ума своего,
Всѣ царства земныя Тебѣ показавъ,
И Кесаря мечъ отъ него мы, принявъ,
И Римъ, лишь себя объявили царями,
Земными, едиными, всѣми странами
Навѣкъ безгранично владѣвшими властно.
Хотя это дѣло еще и въ началѣ,
Но кто виновать? Мы такъ много встрѣчали
Препятствій, нашъ путь былъ тернистый, опасный.
И много страданій еще предстоитъ,
Земля еще много увидитъ ненастья,
Но Кесаря мечъ, наконецъ, завершить
Блаженство земли и всемірное счастье
Охватить ее навсегда...
Зачѣмъ этотъ даръ Ты отвергнулъ тогда?
Принявъ этотъ третій совѣтъ,
Ты могъ бы покой навсегда принести
И дать человѣку все то на пути,
На что онъ мучительно ищетъ отвѣтъ:
Предъ кѣмъ преклониться ему?
Кому свою совѣсть вручить?
И какъ воедино собраться къ тому,
Въ чемъ можно бы всѣхъ согласить.
Народы стремились побѣднымъ путемъ
Собраться въ такомъ единеніи мирномъ,

Гдѣ всѣ бы нашли нерушимый покой...
 То было отъ вѣка любимой мечтой,
 И міръ воцарился бы въ этой мечтѣ.
 Когда Чингисъ-Ханы, Тимуры, всѣ тѣ,
 Что вихремъ, грозой проносились,
 Стремясь овладѣть всей вселенной, —
 Они безсознательно шли, неизмѣнно,
 Потребность одну выражая. Сходились,
 Не вѣдая сами той силы земной,
 Народы въ борьбѣ роковой...
 Но взявши порфиру и Кесаря мечъ
 Ты могъ бы весь міръ отъ борьбы уберечь
 И дать неизмѣнный покой!..
 Такъ взяли же мы, что Ты взять не хотѣлъ,
 И, взявши, конечно, отвергли Тебя,
 И миръ, и покой возлюбя...
 И Кесаря мечъ надъ землей пролетѣлъ,
 Тѣмъ геніемъ мощнымъ хранимъ...
 И мы, не колеблясь, пошли вслѣдъ за нимъ...

* * *

И снова вѣка протекутъ
 Безчинства ума и свободы,
 И новыхъ кумировъ себѣ создадутъ,
 И вновь Вавилонскимъ разсѣяньемъ грознымъ
 И антропофагіей кончатъ народы...
 И звѣрь приползетъ къ намъ въ моленіи слѣзномъ,
 Лизать наши ноги начнетъ...
 Мы сядемъ на звѣря и насъ онъ подыметъ,
 И быстро побѣднымъ путемъ повлечетъ.
 И счастье народа никто не отниметъ,
 Мы „Тайну“ навѣкъ вознесемъ на алтарь,
 И миръ создадимъ, что не вѣдали встарь...

Ты тѣми гордишься, что въ мірѣ избралъ,
 Которыхъ такъ мало. Но нашъ идеаль —
 Всеобщій, всемірный, безсмѣнный покой...
 Но даже избранники всѣ ли Тебѣ
 Останутся вѣрны могучей душой?
 Не выдержать долго въ тяжелой борьбѣ,
 Тебя ожидая устанутъ,
 И силы всѣ духа, и сердца весь жаръ
 На ниву иную возложить, какъ даръ,
 И словомъ Твоимъ на Тебя же возстанутъ...
 У насъ же не такъ, какъ въ свободѣ Твоей,
 Мы ихъ убѣдимъ, что какъ только они
 Забудутъ для насъ о свободѣ своей, —
 Тогда лишь настанутъ свободные дни.
 Не будетъ у насъ ни вражды ни бунтовъ,
 Лишь вѣчное счастье чарующихъ сновъ...
 Что-жъ правы мы будемъ опять, иль солжемъ?
 Вѣдь сами они сквозь туманъ ослѣпленья
 Увидятъ, что мы ихъ къ блаженству ведемъ,
 И вспомнятъ объ ужасахъ рабства, смятенья,
 Къ которымъ свобода Твоя приводила.
 Но эта свобода ума и науки,
 Какъ злая, безвѣстная сила,
 Ихъ въ дебри такія не разъ заведетъ,
 Что снова опустятъ безсильныя руки
 Предъ новой загадкой, что вновь принесетъ
 Блуждающей думы страданье.
 Тогда, покоренные, къ нашимъ ногамъ
 Падутъ, проклиная блужданья...
 И вновь соберется то стадо
 За нашей желѣзной оградой...

* * *

Тогда слабосильнымъ созданьямъ
 Смирненное, тихое счастье дадимъ,
 То самое жалкое счастье,
 Что бѣднымъ земнымъ упованьямъ
 Дороже святыни — мы имъ создадимъ.
 Тогда убѣдимъ мы ихъ нашею властью,
 Что жалки они, малосильны, какъ дѣти,
 И дѣтское счастье для нихъ въ этомъ свѣтѣ
 Спокойнѣй и слаще иного...
 И имъ по безволѣю и слабости ихъ
 Мы даже и грѣхъ разрѣшимъ.
 И чарой, и нѣгой мы ихъ усыпимъ,
 И даже отвѣта не спросимъ у нихъ,
 И скажемъ, что все искупленье,
 И все наказанье беремъ на себя,
 Что мы имъ даемъ разрѣшенье,
 Какъ милыхъ дѣтей возлюбя...
 И насъ обожать они станутъ за то,
 Что мы имъ позволимъ грѣшить,
 Что мы на себѣ ихъ грѣхи понесемъ...
 И тайны отъ насъ не укроетъ никто,
 И станутъ грѣхи намъ свои приносить,
 И каяться въ каждомъ поступкѣ своемъ,
 Съ великою вѣрой пойдутъ къ намъ на судъ,
 Рѣшеніе наше съ восторгомъ возьмутъ,
 Лишь только бѣ не вѣдать мученій
 Свободныхъ и личныхъ рѣшеній...

* * *

И счастливы будутъ миллионы созданій...
 Но только не тѣ, что всю тяжесть страданій
 На совѣсть свою возложили,

Но только не тѣ, что глубоко хранили
 Ужасную тайну и бремя проклятья,
 И счастье миллионовъ дѣтей
 Цѣною ужасной купили!..
 И тихо умрутъ они, тихо покинутъ
 Для будущей тайны загробныхъ путей
 Безпечная радости жизни своей.
 И въ жизни предъ ними завѣсы не сдвинутъ —
 Мы строго секретъ сохранимъ, —
 Что тамъ только смерть уготована имъ,
 И станемъ манить ихъ для ихъ же забвенья
 Наградой небесной и вѣчной,
 Хотя бы и были сомнѣнья
 О жизни иной, безконечной...
 Давно говорятъ, что Ты снова придешь
 И снова побѣду съ Собой принесешь,
 И прежнихъ избранниковъ, гордыхъ душой,
 На жалкую землю сведешь за Собой.
 Но скажемъ мы имъ: „вы спасли ли кого?
 Вы только себя вознесли...
 А мы ради всѣхъ, ради міра всего
 Мы тяжкія муки несли“...
 Я встану тогда и Тебѣ укажу
 На многихъ счастливыхъ, безгрѣшныхъ дѣтей:
 „Мы взяли ихъ грѣхъ на себя“, я скажу,
 „Суди-же насъ за свѣтлое счастье ихъ дней,
 Суди, если можешь, любовью Своей“...

* * *

Но знай, не боюсь я Тебя.
 И я былъ въ пустынѣ, какъ Ты,
 Акридами также питался,

Свободу святую любя,
 Лелѣяль я тѣ же мечты,
 Во имя Твое подвизался,
 Избранниковъ рать я восполнить хотѣлъ...
 Но вдругъ я очнулся и вдругъ я прозрѣлъ,
 Я понялъ безумье свое и примкнулъ
 Къ разумнымъ, что „подвигъ исправили Твой“.
 Отъ гордыхъ къ смиреннымъ я круто свернулъ
 И съ ними пошелъ по дорогѣ другой...
 Да сбудется все, что Тебѣ говорю,
 И царство созиждется наше,
 И будетъ расти и сильнѣе, и краше...
 И снова Тебѣ повторяю:
 Ты завтра же узришь послушное стадо,
 Которое только за слово „награда“
 Горячіе уголья станетъ сгребать
 Къ костру Твоему, ибо завтра-жъ Тебя,
 За то, что пришелъ намъ мѣшать, —
 Сожгу на кострѣ. И, боясь за себя,
 И въ страхѣ, что хлѣбъ его могутъ отнять,
 Народъ навсегда о Тебѣ позабудетъ...
 Итакъ я сожгу Тебя завтра. Да будетъ“...

* * *

Умолкъ инквизиторъ. И ждетъ хоть бы слова...
 Но Узникъ все такъ же молчитъ,
 Какъ прежде, къ страданью готовый,
 И тихо, задумчиво, проникновенно
 Въ глаза ему кротко глядитъ...
 Хотѣлъ бы старикъ лучше гнѣвныя рѣчи
 Услышать. И жжетъ его взглядъ сокровенный,
 И тайна божественной встрѣчи

Невольно и властно въ душѣ возстаетъ
 Забытой, далекой, горячей волною...
 Но бровью не двинетъ сѣдою...
 И мускуль въ лицѣ не дрогнетъ...

А Онъ, озаренный улыбкой святою
 И тихо, какъ лучъ, неземными стопами
 Подходить, и, ясными векинувъ очами,
 Безкровныя старца цѣлуетъ уста...

Какъ будто поруганной тайны креста
 Возмездіе кроткое съ неба сошло,
 И старца уснувшую совѣсть прожгло...
 И дрогнуло что-то въ концахъ его губъ...
 Но вѣки сомкнулись, склоняется взоръ,
 То мигъ ли страданья, души ли укоръ —
 Онъ скроетъ на сердцѣ. Могучій, какъ дубъ,
 Онъ чувства не выдастъ ничѣмъ, никогда...
 И дверь отворивъ Ему, онъ говоритъ:
 „Ступай... навсегда, навсегда“...
 И въ темныя стогны Его выпускаетъ...
 А городъ, какъ грезой объятый, молчитъ,
 Не видитъ... и сномъ убаюканный спитъ.

Онъ тихо главу наклоняетъ,
 И тихо, какъ волны невѣдомыхъ силъ,
 Какъ взмахъ невидимаго ангела крылъ, —
 Надолго... въ тиши... исчезаетъ...

М.

Пушкино
 Июль 1902 г.

Въ пользу безпріютныхъ дѣтей
Хитрова рынка.